

АНГЛІЯ И ГЕРМАНІЯ.

Взаимоотношенія Англии и Германіи обусловливаются совершенной противоположностью ихъ политическихъ интересовъ, согласованіе которыхъ, даже въ формѣ временнаго компромиса, невозможно. Интересы эти по самой сущности своей настолько жизненны, что ни одна сторона не можетъ добровольно отказаться отъ нихъ и пожертвовать ими въ пользу другой. При такихъ условіяхъ обоимъ государствамъ не остается иного выхода, кромѣ войны, которая уже неизбѣжно предрѣшена. Если столкновеніе не произошло раньше и не произойдетъ сегодня, то только по той причинѣ, что единоборство Англии и Германіи по специфическому характеру состоянія ихъ вооруженныхъ силъ не можетъ дать въ настоящее время рѣшительнаго результата: съ одной стороны, германскій флотъ не въ состояніи пока установить своего господства на водномъ пространствѣ Сѣвернаго моря и потому территория Англии не доступна прямому воздѣйствію превосходныхъ сухопутныхъ силъ своего противника; съ другой же стороны, англійскій флотъ, хотя и могъ бы, при извѣстныхъ условіяхъ, захватить господство на морѣ, но несоизмѣрима слабость британской арміи не дастъ странѣ возможности использовать это господство иначе, какъ только пассивно. Изъ этого положенія, прекрасно понимае-

мага генеральными штабами обоихъ государствъ, естественно вытекаетъ заключеніе о неготовности сторонъ къ войнѣ. Началу военныхъ дѣйствій должна предшествовать, во-первыхъ, политическая подготовка войны, а во-вторыхъ, дальнѣйшее специфически направляемое усовершенствованіе наступательныхъ средствъ противниковъ. Это-то какъ разъ и происходитъ въ настоящее время: Германія напрягаетъ всѣ силы для дальнѣйшаго развитія своего флота, Англія старается ввести у себя обязательную воинскую повинность, а дипломатія обоихъ государствъ занимается заключеніемъ союзовъ и соглашеній, которые имѣютъ цѣлью замѣнить войну-единоборство—войною коалицій.

Въ предыдущей статьѣ ¹⁾ мы выяснили, въ чемъ заключается рознь жизненныхъ интересовъ Англіи и Германіи, а также подробно обрисовали англійскую точку зрѣнія. Теперь намъ остается разобрать вопросъ съ нѣмецкой точки зрѣнія, для того, чтобы съ наибольшей полнотой и добросовѣстностью отнестись къ предпринятой задачѣ освѣщенія этого кардинальнаго вопроса всей міровой жизни, столь справедливо интересующаго собою всѣхъ, а офицерскую и политическую среду въ особенности. Какъ бы нарочно, въ помощь намъ одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ журналовъ, посвященныхъ военному и морскому дѣлу («Überall Zeitschrift für Artmee u. Marine») издалъ спеціальнй номеръ, составленный исключительно изъ статей на тему объ англо-германскихъ отношеніяхъ, и прислалъ его къ намъ въ редакцію съ просьбою объ отзывѣ. Статьи эти, подписанныя такими серьезными именами, какъ проф. Шеферъ, фонъ-Маккей, Штиге и др., несомнѣнно могутъ считаться отражающими собою общественное мнѣніе страны и потому, охотно исполняя просьбу нашего уважаемаго германскаго собрата, мы, рассмотрѣніемъ названнаго журнала, пополнимъ трудъ нашего политическаго изслѣдованія.

Сборникъ начинается блестящей статьей, подъ названіемъ «Англія, ея развитіе и мы». Статью эту лучше всего можно было бы охарактеризовать, назвавъ ее обвинительнымъ актомъ Англіи въ ея политической и военной дѣятельности за прошлые вѣка. Авторъ начинаетъ съ того, что категорически отбрасываетъ всѣ заявленія пацифистовъ о миролюбіи Англіи и ея дружественныхъ отношеніяхъ къ Германіи. Теперешній образъ дѣйствій Британской имперіи находитъ себѣ полное объясненіе въ англійской исторіи. Одна и та же система всегда красной нитью проходила черезъ вѣка

¹⁾ См. № 3 «Воен. Сб.».

въ борьбѣ островитянъ за свою всесвѣтную гегемонію; она примѣнялась одинаково ко всѣмъ противникамъ. Послѣдовательно: Испанія, Голландія, Франція, Америка, Данія и Россія были сторонами, страдавшими отъ беспощаднаго, вѣроломнаго образа дѣйствій Англіи. Система эта заключается въ проявленіи беззастѣнливаго эгоизма, въ настойчивомъ преслѣдованіи своихъ выгодъ и въ самомъ жестокоемъ отношеніи ко всѣмъ, кто хоть сколько-нибудь мѣшаетъ Англіи. Первыми почувствовавшими тяжесть ея—были испанцы.

Въ 16-мъ вѣкѣ началось соперничество англичанъ на морѣ съ Испаніей, владѣвшей въ то время своими американскими колоніями; баснословныя богатства послѣднихъ, расхищаемыя метрополіей, вызвали зависть у англичанъ. Ихъ моряки не могли удержаться отъ соблазна пиратскихъ нападений на суда испанцевъ, возвращавшихся домой изъ Америки съ дорогими грузами. Многочисленныя представленія Испаніи оставались безрезультатными, что, наконецъ, побудило испанцевъ начать приготовленія къ войнѣ. Англіи, разумѣется, было невыгодно ожидать конца этихъ приготовленій и она насильственно вызвала войну раньше времени, пославъ своего адмирала Френсисъ Дрэка съ порученіемъ внезапно ворваться въ гавань Кадикса и сжечь находившіеся тамъ испанскіе корабли. Послѣ того, какъ Дрэкъ удачно выполнилъ возложенную на него задачу, правительству Филиппа II не оставалось уже другого выхода, какъ начать войну. Такъ какъ корабли и запасы морского снабженія были уничтожены, то война нѣсколько задержалась, но все же не настолько, чтобы Испанія могла быть совсѣмъ готовою: театръ ближайшихъ военныхъ дѣйствій не былъ оборудованъ (голландскіе порты) и результатъ войны 1588 года, поэтому, оказался для Испаніи печальнымъ. Непобѣдимая Армада была побѣждена англійскимъ флотомъ, и ея гибель для Испаніи послужила началомъ конца. Но внутреннія политическія дѣла побѣдителя помѣшали ему цѣликомъ использовать выгоды побѣды. Потерянное Испаніей мѣсто занялъ не онъ, а Голландія. Страна эта, освобожденная въ 1568 году изъ подъ владычества Испаніи, быстро пошла впередъ по пути экономическаго прогресса и развитія. Амстердамъ сталъ центромъ экзотической торговли и главнымъ рынкомъ Западной Европы. Счастливое стеченіе обстоятельствъ, благодаря которому другія государства были заняты въ то время своими внутренними распрями, предоставило Голландіи свободное поприще для дѣйствій на морѣ. Страна богатѣла съ каждымъ годомъ, развивалась, захватывала новые рынки, основывала колоніи, учреждала компаніи и,

въ концѣ концовъ, дѣйствительно заняла первое мѣсто въ международной экономической политикѣ. Слабая пока въ хозяйственномъ отношеніи Англія очутилась въ состояніи, близкомъ къ полной зависимости отъ голландской торговли, суда которой фактически заполнили гавани островного королевства. Терпѣть такое положеніе вещей Англія, очевидно, не хотѣла. Господство должно было принадлежать ей, а не кому либо другому. Этимъ стремленіемъ къ господству предрѣшалась будущая борьба съ Голландіей, выразившаяся потомъ длительными англо-голландскими войнами и завершившаяся, наконецъ, полнымъ пораженіемъ Голландіи.

Въ этомъ мѣстѣ, однако, въ статью надлежитъ ввести нѣкоторую поправку: авторъ, увлекаясь желаніемъ всецѣло обвинить англичанъ въ хищничествѣ, не хочетъ подчеркнуть вызывающаго образа дѣйствій со стороны голландцевъ, которые въ 1621 году напали на испанскіе корабли, везшіе серебро изъ Америки, а въ 1623 году напали и на англичанъ, занимавшихся въ Амбоинѣ торговлей; въ видѣ репрессіи они завладѣли англійскими факторіями въ Церамѣ. Кромѣ того, Голландія безъ стѣсненія занималась рыболовствомъ въ англійскихъ водахъ, а когда въ 1626 году Англія потребовала за это вознагражденія, то Голландія произвела только одинъ первый взносъ, а затѣмъ, присвоивъ себѣ титулъ «повелительницы южныхъ морей», захватила и безъ церемоніи конфисковала нѣсколько англійскихъ кораблей. Такое вызывающее поведеніе со стороны голландцевъ, разумѣется, раздражало Англію и возлагать на нее вину за будущія войны, какъ это дѣлаетъ авторъ, — несправедливо. Общественное мнѣніе Англіи все больше и больше возбуждалось противъ сосѣда и требовало рѣшительныхъ мѣръ со стороны правительства. Сэръ Вальтеръ Ралэй, сидя въ тюрьмѣ, передъ казнью, подалъ докладную записку, въ которой подробно излагалъ мысль о необходимости прекратить хозяйничаніе Голландіи. Наконецъ, уже при Кромвелѣ, правительство рѣшило выступить на путь борьбы съ голландскимъ засиліемъ и издало въ 1651 году знаменитый навигаціонный актъ, которымъ англійская республика нанесла чувствительный ударъ Нидерландамъ. Актъ устанавливалъ, что отнынѣ всѣ товары, доставляемые въ Англію и ея колоніи, могутъ быть привозимы только на англійскихъ судахъ или на собственныхъ судахъ страны, привозящей свои же, а не чужіе товары. Нидерландское правительство объявило, что считаетъ изданіе такого правила нарушеніемъ дружественныхъ торговыхъ сношеній. Въ результатѣ произошла первая англо-голландская

война, изъ которой побѣдительницей вышла Англія. Причину пораженія Нидерландовъ авторъ нѣсколько тенденціозно объясняетъ «пренебреженіемъ голландцевъ къ военной силѣ»: голландцы скупились на военныя издержки и потому оказались хуже подготовленными къ войнѣ. Авторъ такъ настаиваетъ на этомъ обстоятельстве, что желаніе его преподать урокъ современному германскому обществу вполне очевидно. Конечно, до извѣстной степени онъ правъ, но главной причиной пораженія мы склонны считать не это, а стратегическую ошибку нидерландскаго правительства, употреблявшаго свои силы на второстепенныя задачи, вроде конвоированія торговыхъ каравановъ, отвлекавшаго ихъ отъ главной цѣли.

Вскорѣ послѣ второй англо-голландской войны на сцену выступила Франція, начавшая войну съ Нидерландами въ союзѣ съ Англіей. Въ результатѣ всѣхъ этихъ войнъ, Голландія оказалась совершенно разоренною; войны обошлись ей около 6 миллиардовъ марокъ. «Когда Голландія была богата, она скупилась на вооруженія, но скупость не сберегла ей богатства, а наоборотъ, послужила причиной ея разоренія», морализируетъ въ заключеніе авторъ.

Пока Англія и Голландія занимались войнами между собою, Франція преуспѣвала въ своемъ развитіи. Начавъ колониальную меркантильную политику при Генрихѣ IV-мъ, она ввела у себя протекціонные тарифы при Кольберѣ, усилила морскую торговлю, укрѣпилась въ финансовомъ положеніи и прекрасно организовала боевой флотъ. Для Англіи, такимъ образомъ, выросъ въ ея лицѣ, новый соперникъ. Его надо было свалить, прежде чѣмъ онъ успѣлъ развить свое могущество. И вотъ началась трагическая эпоха англо-французской борьбы. Англія избрала коварный способъ дѣйствій: она искусной дипломатической игрой вовлекла Францію въ сухопутныя войны и континентальныя державы воевали съ Франціей для пользы Великобританіи. Людовику пришлось отвлечь большую часть своихъ средствъ на усиленіе сухопутной арміи; флотъ соответственно оказался въ пренебреженіи и знаменитый разгромъ французскаго флота при Барфлерѣ (Хугъ) въ 1692 году отмѣтилъ собою начало будущаго величія британскаго флота. Франція съ этого дня вступила на роковую дорогу, указанную Поншартреномъ Людовику XIV-му: французскія морскія силы уже больше не преслѣдовали никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ уничтоженія непріятельской торговли. Флотъ занялся второстепенными операціями

ми, извѣстными подъ именемъ «крейсерской войны». Доказывая справедливость приговора исторіи, осудившей этотъ стратегическій приѣмъ, авторъ приводитъ очень удачное сравненіе: крейсерскую войну онъ уподобляетъ такому случаю въ сухопутной войнѣ, гдѣ одна сторона вздумала бы распустить свою регулярную армію и, вмѣсто правильно развиваемыхъ операцій, наводнила бы чужую территорію разбойничьими шайками; очевидно всѣ разбойники были бы переловлены и верхъ одержала бы та сторона, которая сохранила свои организованныя силы.

Система натравливанія континентальныхъ державъ на своего морского соперника, оказавшаяся столь удачною, стала излюбленнымъ приѣмомъ британской политики (снова современникамъ надлежитъ воспринять отсюда урокъ). Продолжая свое историческое разслѣдованіе, авторъ указываетъ, что Семилѣтняя война была англичанами начата безъ предварительнаго объявленія; здѣсь высказывается предположеніе, что и будущую свою войну съ Германіей англичане начнутъ такимъ же образомъ. Сухопутнымъ союзникомъ въ этой войнѣ Англія имѣла Пруссію. Несмотря на частичный морской успѣхъ, Франція, которой приходилось отвлекаться войной съ Пруссіей, уступила господство на морѣ Англіи; Пруссія же отъ войны ничего не выиграла. Англо-французскія войны закончились, наконецъ, гигантской борьбой, которую Великобританія вела противъ республики и Бонапарта. При Трафальгарѣ морское могущество Франціи окончательно погибло вмѣстѣ съ ея флотомъ и міровая гегемонія съ этой поры уже окончательно принадлежала Англіи.

Въ длинномъ перечнѣ коварныхъ дѣйствій Британіи, авторъ отмѣчаетъ, кромѣ того, нападеніе безъ объявленія войны на Копенгагенъ съ цѣлью уничтожить вліяніе Даніи въ сѣверныхъ моряхъ и нападеніе въ 1801 году на Ревель. Словомъ, исторія всегда и вездѣ показывала вѣроломство, беззастѣнчивость въ выборѣ средствъ, эгоизмъ и непреклонную жестокость по отношенію къ противникамъ; это исторически характеризуетъ поведеніе англичанъ. По мнѣнію автора, и Россіи пришлось не мало пострадать отъ своего теперешняго островного друга: крымская кампанія и японская война служатъ наглядными тому примѣрами. Кончается эта блестящая статья развитіемъ эпиграфа: «Макіавели говорилъ, что некорыстная и нечестолюбивая страна, среди другихъ странъ честолюбивыхъ и корыстныхъ, неминуемо погибнетъ, и я, къ сожалѣнію, долженъ согласиться съ нимъ. Фридрихъ Великій».

Англія полна эгоизма въ преслѣдованіи экономическихъ и имперіалистическихъ цѣлей своихъ. Въ политикѣ она безпощадна и справедливости не знаетъ. Если Германіи дорого ея существованіе, она также должна быть неумолимой и непреклонно преслѣдовать свои цѣли. Голландія была побѣждена за то, что не имѣла достаточно широкаго размаха въ своей стратегической политикѣ. Пусть примѣръ ея послужить урокомъ для Германіи. Германія должна серьезно вооружаться, не отставая въ этомъ отношеніи отъ своего могучаго врага, который вооружается не для защиты, какъ объ этомъ любитъ говорить англійская пресса, а для нападенія. Германія сама по себѣ войны не хочетъ, но, если она желаетъ удержать Англію отъ нападенія, то ей нуженъ сильный флотъ, по крайней мѣрѣ, равный двумъ третямъ англійскаго. Ей нужна и мощная армія, которую она противопоставитъ континентальнымъ приспѣшникамъ Британіи.

Въ числѣ прочихъ статей сборника особенное вниманіе привлекають на себя два весьма серьезно-написанныхъ политическихъ памфлета: «Міровое положеніе Англій и Германіи». Проф. Дитриха Шефера и «Германія и Англія». Д-ра фонъ-Маккея. Говоря, въ сущности, на одну и ту же тему, оба они рѣзко отличаются по тону, и мужественная статья Маккея производитъ сильное впечатлѣніе послѣ іереміады Дитриха Шефера. «Давно уже нѣмцы не всматривались такъ пристально въ Англію, какъ этимъ лѣтомъ, и теперь всѣмъ намъ ясно, что она не хочетъ дать и не дастъ намъ возможности пріобрѣсти то, что намъ такъ нужно». Wird, kann, muss das dauern? Будетъ ли, можетъ ли, должно ли такъ продолжаться? задается Шеферъ тревожнымъ вопросомъ. Дальше онъ выражаетъ сомнѣніе въ томъ, что «Британія самимъ Богомъ предназначена быть владычицей моря», какъ говорятъ англичане своимъ гимномъ «Rule Britannia». Были времена, когда господство на морѣ принадлежало не имъ, а континентальнымъ государствамъ Европы. Территорію острововъ завоевывали, по очереди, римляне, саксы, норманы. Гегемонія на моряхъ раньше принадлежала ганзейцамъ, итальянцамъ, потомъ ее захватили Нидерланды. Англичане вырвали ее значительно позже. Поэтому, никоимъ образомъ нельзя допустить предположенія, что Англія имѣетъ какія-нибудь преимущества, естественно вытекающія изъ ея какого-то особенно привилегированнаго географическаго положенія. Географическое положеніе острововъ только помогло обитателямъ ихъ сдѣлаться господами моря, но оно отнюдь не обуславливаетъ господства на мо-

ряхъ. Если бы обитателями острововъ оставались кельты, если бы тамъ не осѣли впослѣдствіи норманы и саксы, то Англія не была бы владычицей моря. Кромѣ свойствъ англо-саксонской расы, крупную роль въ созданіи могучей Англіи сыграли и другія обстоятельства: небольшіе размѣры территоріи, ограниченной къ тому же со всѣхъ сторонъ моремъ, способствовали сплоченію ея жителей въ одинъ государственный организмъ. Морскія границы дѣлали страну какъ бы естественно цѣльною и не позволяли ей распадаться на отдѣльныя государства. Однако, само море сдѣлалось преобладающимъ факторомъ въ государственной политикѣ далеко не сразу.

Англичане выступили на сцену морской политики только въ XVI вѣкѣ въ правленіе королевы Елизаветы. Въ то время, какъ другія европейскія государства стремились къ расширенію своихъ границъ, для Англіи въ этомъ отношеніи былъ положенъ естественный предѣлъ; вотъ причина, почему она обратила свои взоры на дальнія заморскія страны. Политика началась съ поощренія пиратскихъ нападений на испанскія суда, возвращавшіяся домой изъ Америки съ награбленными тамъ богатствами. Побѣда надъ армадой Филиппа дала англичанамъ увѣренность въ томъ, что они могутъ владѣть моремъ; въ этой увѣренности лежалъ секретъ ихъ будущаго успѣха. Однако, главной причиной, обусловившей этотъ успѣхъ, было то, что правительство не оставляло своихъ подданныхъ ни на одну минуту безъ поддержки: англичанамъ никогда не приходилось дѣйствовать на свой собственный страхъ и рискъ; они знали, что торговое и морское дѣло каждаго англичанина есть дѣло всей страны и что правительство во что бы то ни стало непременно вступится и поддержитъ его въ нужную минуту. Научно-политическая цѣнность этого замѣчанія Шефера—громадна; мы думаемъ, что въ этомъ мѣстѣ своей статьи онъ подходитъ къ одному изъ главныхъ основныхъ принциповъ государственной политики и можно только пожалѣть, что онъ оставилъ его безъ точной формулировки.

Широкіе слои общества, загнипнотизированные могуществомъ Англіи, думаютъ, что это могущество будетъ, есть и было всегда. А, между тѣмъ, оно «было» только съ очень недавняго времени: времени перваго заселенія Америки прошло 300 лѣтъ, перваго основанія факторій въ Индіи—200, а въ Австраліи всего только—100 лѣтъ. Однако, за этотъ сравнительно короткій промежутокъ времени англичане настолько успѣли въ своемъ развитіи, что дѣйствительно оказались экономическими владыками міра. Они быстро

приспособились къ первенствующему положенію, привыкли пользоваться его выгодами и даже стали, было, думать, что владычество обезпечено имъ навсегда и безъ всякихъ дальнѣйшихъ политическихъ къ тому усилій. Въ 60—70-хъ годахъ прошлаго столѣтія Англія прекратила свои захваты новыхъ территорій и спокойно наслаждалась плодами прошлыхъ побѣдъ. Однако, спокойствіе ея было скоро нарушено. Англія замѣтила стремленія Франціи и Германіи къ захвату экзотическихъ рынковъ; ревность, какъ говоритъ Шеферъ, проснулась въ ней и съ 80-хъ годовъ мы видимъ Англію опять на старомъ поприщѣ завоеваній и пріобрѣтеній. Когда въ Лондонѣ обратили вниманіе на германскую дѣятельность въ Африкѣ, то сейчасъ же рѣшили прекратить ее; «schlecht oder gut, man muss es nehmen, damit der Fremde nicht die Hand darauf legt», наивно приписываетъ Шеферъ англичанамъ лозунгъ, какъ видите, довольно примитивнаго свойства; онъ умалчиваетъ о серьезныхъ политическихъ и хозяйственныхъ причинахъ, побудившихъ Англію къ африканской политикѣ (см. нашу статью въ мартовской книжкѣ «Военнаго Сборника»), и вызываетъ улыбку у читателей, обвиняя англичанъ въ томъ, что главнымъ импульсомъ ихъ новѣйшей экзотической дѣятельности было что-то вродѣ простой зоологической жадности... Новыя пріобрѣтенія удалась англичанамъ, и въ настоящее время Британія владѣетъ почти четвертью всей земной поверхности и управляетъ болѣе чѣмъ четвертью всѣхъ обитателей земли. Переходя къ разсмотрѣнію германскаго положенія, авторъ сразу принимаетъ жалобный тонъ. Германская метрополія имѣетъ почти вдвое больше обитателей, чѣмъ англійская, а, между тѣмъ, изъ Берлина управляется въ десять разъ меньшее количество подданныхъ, чѣмъ изъ Лондона. Причина этому—извѣстна всѣмъ, говоритъ Шеферъ. «Германія слишкомъ поздно появилась на свѣтѣ», когда поверхность земного шара была уже раздѣлена между другими народами. Въ настоящее время могутъ быть только перемѣщенія владѣній изъ однихъ рукъ въ другія, а не простыя занятія свободныхъ никому не принадлежащихъ территорій. Необычайными трудностями были обставлены первые шаги Германіи въ африканской политикѣ. Само общество не понимало значенія колониальной политики; правительство же дѣйствовало крайне нерѣшительно и робко. «Чѣмъ меньше Африки, тѣмъ лучше», говорили нѣкоторые государственные люди. «Самымъ большимъ несчастіемъ для Германіи было бы, если бы ей кто-нибудь подарилъ всю Африку». Германія радовалась французскому проникновенію въглубь Чернаго

материка; она поощряла ея тунисскую и мароккскую политику; она оставила область Уганды, уступила Уиту, отказалась отъ своихъ притязаній на Занзибаръ, получивъ за это отъ Англїи маленькій Гельголандъ. Въ настоящее время положеніе Германіи чрезвычайно трудно. Король Эдуардъ началъ германофобскую политику, которая обставила препонами со всѣхъ сторонъ развитіе Германіи. За послѣдніе годы нѣмцамъ былъ нанесенъ цѣлый рядъ ударовъ. Англичане поссорили Германію съ Франціей, поддержали послѣднюю, и теперь Марокко, несмотря на Танжеръ и знаменитую рѣчь императора, несмотря на Алжезирасъ, несмотря на Агадиръ и шумъ, поднятый появленіемъ тамъ «Пантеры»—принадлежитъ французамъ. Германское правительство сунулось въ Марокко, но англичане подняли свой кулакъ и нѣмцы смирились; щедушно и слабо-вольно отказалось берлинское правительство отъ своей идеи; Франція торжествуетъ, потому что Германія, какъ школьникъ, отступила передъ «угрожающе-поднятымъ пальцемъ Англїи». Въ этомъ позорномъ униженіи авторъ винитъ Англїю, но и еще больше обвиняетъ руководителей германской внѣшней политики, сдѣлавшихъ цѣлый рядъ крупныхъ ошибокъ. Германія вздумала отвѣтить на рѣчь Грея угрозой, но—угрозы смѣшны и недѣйствительны, если не могутъ быть приведены въ исполненіе, Германія же—слаба въ своихъ силахъ. Она слаба и въ своей внѣшней политикѣ, которая не ведетъ событій, но позволяетъ событіямъ управлять ею. Событія же направили Германію къ позору этого лѣта. Для чего Германія пошла въ Агадиръ, если результатомъ всей поднятой шумихи оказался скромный договоръ 4-го ноября 1911 года? «Намъ тяжело наше униженіе, потому что нѣмцы за время Вильгельма I и Бисмарка привыкли уже быть сильными и уважаемыми». Тяжелое положеніе создалось для Германіи, и единственный выходъ изъ него, по мнѣнію автора, состоитъ въ немедленномъ созданіи могучихъ боевыхъ силъ. Противъ Англїи долженъ быть усиленъ военный флотъ; мощная армія должна быть противопоставлена Франціи. Не только честь и благоденствіе, но самое существованіе германскаго народа зависитъ теперь отъ того, какъ рѣшительно приметъ нѣмецкое правительство за увеличеніе силъ страны.

Упрекамъ и сѣтованіямъ Шефера интересно противопоставить энергичную статью Маккея. Оскорбленный въ своемъ гордомъ нѣмецкомъ патріотизмѣ неудачнымъ исходомъ переговоровъ объ агадирскомъ инцидентѣ, онъ обрушивается на задѣвшую германское самолюбіе рѣчь Грея и говоритъ, что давно уже не приходилось

Германіи слышать военной угрозы и что забыть обиды она не имѣетъ теперь права. «Когда императоръ сказалъ свое знаменитое изреченіе «Blut ist dicker als Wasser» (кровь гуще воды), намекая на родство англійской и германской расъ, то Бисмаркъ по этому поводу писалъ: «Возможно, что кровь гуще воды, но кровь, все-таки, есть жидкость и можетъ течь. Я не знаю случая, чтобы кровное родство когда либо помѣшало домашней распрѣ превратиться въ смертельную вражду. Наоборотъ, исторія учитъ насъ, что междоусобныя войны всегда были самыми упорными и жестокими». Дѣйствительно, мы видимъ, что вся Англія дышетъ ненавистью и враждою къ намъ. Даже теперь, когда инцидентъ исчерпанъ, когда миновала возможность войны, ея министръ находитъ возможнымъ высказывать злобныя чувства противъ Германіи. Онъ позволилъ себѣ бросить такую фразу: «Германія имѣетъ самую сильную армію и могучій флотъ; пусть же докажетъ она, что у нея нѣтъ агрессивныхъ цѣлей, тогда мы вернемъ ей наше дружеское расположеніе». Это требованіе могло быть рождено или глупостью, или самой безграничной надменностью. Сорока годами мира мы доказали всему свѣту наше миролюбіе и уже во всякомъ случаѣ не Англіи обвинять насъ въ воинственныхъ цѣляхъ. Грей милостиво разрѣшаетъ намъ «мирнымъ путемъ увеличить африканскія владѣнія», точно онъ не знаетъ, что Черный материкъ давно уже раздѣленъ и свободныхъ территорій тамъ не имѣется. Англійскія же интриги въ Лиссабонѣ отняли у насъ возможность пріобрѣсти покупкой то, что намъ было нужно. Онъ разрѣшаетъ намъ брать все, что только не находится въ сферѣ англійскихъ интересовъ. Но, что же не находится въ сферѣ англійскихъ интересовъ? Впрочемъ, это издѣвательство и заносчивость—въ характерѣ англичанъ.

Послѣ окончанія марокккаго спора, центръ тяжести въ соревнованіяхъ европейскихъ державъ переходитъ на Ближній и Дальній Востокъ, а тутъ положеніе Великобританіи не такъ благоприятно, какъ было раньше. Въ тонѣ англійской прессы уже звучитъ признаніе собственной слабости. Эта слабость прежде всего сказывается въ недостаточности сухопутныхъ силъ. Здѣсь лежитъ главная опасность для Британіи; она гибельно скажется и въ рѣшеніи балканскаго вопроса, и въ Азіи, и въ Египтѣ, и въ Суданѣ. Англія ищетъ теперь дружбу сильнѣйшей сухопутной державы, чтобы заставить ее сражаться со своими врагами и защищать британскіе интересы.

Пусть Англія вспомнить предостереженіе великаго историка фонъ-Зибеля: «Для націи одинаково губительны и упадокъ народной самостоятельности и безграничное стремленіе къ міровому господству». Наше соглашеніе съ Англіей возможно, но не иначе какъ на основаніяхъ равенства. Одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ государственныхъ людей Англіи въ своей рѣчи студентамъ Эдинбурга сказалъ: «It (is) not brute force, but moral power that commands predominance in the world», т. е. «первенство въ мірѣ обусловливается не грубой физической, а моральной силою». Эллада и Римъ повелѣвали только до тѣхъ поръ, пока были сильны и вели простой, нравственный и здоровый образъ жизни; они погибли, какъ только увлеклись жизненными благами и неограниченнымъ стремленіемъ къ владычеству. Англіи не слѣдуетъ забывать этого. Пусть она никогда не рассчитываетъ низвести Германію до степени Франціи, которая должна согрѣваться луннымъ свѣтомъ дружбы, размѣры которой, какъ показалъ мароккскій инцидентъ, почти исключительно диктуются англійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Пусть она никогда не мечтаетъ о томъ, что Германія, заслушавшись сладкозвучнаго пѣнія лондонскихъ сиренъ, пойдетъ на примиреніе съ Англіей цѣною согласія довести свой флотъ до размѣровъ, предписанныхъ Лондономъ. Наше стремленіе расширится и увеличить военную мощь обусловлено такими стихійными силами природы, противъ которыхъ безсильной окажется всякая земная держава! Это стремленіе вызвано ростомъ населенія страны и состояніемъ его народнаго хозяйства. За время своего долгаго мира Германія сдѣлалась недѣлимой и сильной державою, она окрѣпла и развила свои силы. И теперь, если даже весь міръ составитъ заговоръ противъ насъ, Германія оправдаетъ слова великаго Мольтке: «сильное государство рассчитываетъ только на себя».

Что касается статей военнаго характера, то на первомъ мѣстѣ среди нихъ надо поставить статью контръ-адмирала Штиге: «Германская и англійская стратегія мирнаго времени». Терминъ «стратегія мирнаго времени», мало распространенный у насъ, но широко принятый за границей, означаетъ ту часть стратегии, которая занимается подготовкой къ войнѣ государства и его вооруженныхъ силъ. Почтенный адмиралъ своей статьей старается доказать, что война между Англіей и Германіей неизбежна, причемъ исходной точкою доказательствъ беретъ не политическую сторону дѣла, а стратегическую; другими словами, его доказательства не осно-

ываються на изслѣдованіи причинъ, вызывающихъ соперничество между обѣими странами, а просто вытекають изъ разбора фактическихъ данныхъ относительно подготовки къ войнѣ: если государства такъ интенсивно готовятся къ войнѣ, то, очевидно, воевать они будутъ. Штиге настолько убѣжденъ въ неизбежности войны, что даже теперешнее состояніе отношеній между Англіей и Германіей онъ называетъ скрытой войною, которая *de facto* уже существуетъ. Въ нужный моментъ Англія отъ состоянія скрытой войны перейдетъ къ военнымъ дѣйствіямъ, не обуславливая такого перехода никакимъ предварительнымъ объявленіемъ войны. Этимъ приѣмомъ она широко используетъ принципъ внезапности, который губительно скажется и непосредственно на германскомъ флотѣ, и на духѣ страны. Инициативу, войну и агрессивность намѣренной Штиге приписываетъ, разумѣется, Англіи. Онъ подробно разбираетъ дислокацію силъ, а также движенія англійскаго и германскаго флота во время недавняго обостренія отношеній между Лондономъ и Берлиномъ. Англія, очевидно, готовилась къ войнѣ, но—Германія была неготова и поэтому должна была уступить. Къ сожалѣнію, своимъ талантливимъ изслѣдованіемъ адмиралъ ломится въ открытую дверь, доказывая то, что, собственно говоря, ни въ какихъ доказательствахъ не нуждается: всѣмъ и безъ того прекрасно извѣстно, какъ и почему происходило все дѣло. Германія начала агадирскую исторію, преслѣдуя агрессивныя цѣли въ Марокко; Англія, которая никоимъ образомъ не можетъ допустить проникновеніе нѣмцевъ въ эту страну, протестовала самымъ энергичнымъ образомъ, мобилизовала свой флотъ, изготовилась къ войнѣ, и война несомнѣнно произошла бы, если бы Германія не уступила; уступить же Германія должна была по той простой причинѣ, что къ войнѣ она не была готова. Вотъ въ краткихъ словахъ вся сущность инцидента. Разумѣется, исторія эта больно ударила нѣмцевъ по самолюбію, но Штиге утѣшается тѣмъ, что извлекаетъ изъ нея урокъ на будущее время. Германія должна усилить свой флотъ, измѣнить соотвѣтствующимъ образомъ свой законъ о флотѣ и, главнымъ образомъ, перемѣнить дислокацію морскихъ силъ такимъ образомъ, чтобы быть въ состояніи парировать «внезапныя дѣйствія» Англіи. Наибольше замѣчательнымъ мѣстомъ его статьи является совѣтъ правительству принять самому наступательный образъ дѣйствій. Германія слабѣе Англіи и уравновѣситъ свою слабость можетъ только примѣненіемъ принципа внезапности. При первомъ же слѣдующемъ обостреніи политическихъ отношеній,

какъ только какой-нибудь изъ англійскихъ министровъ произнесетъ опять зажигательную рѣчь, рѣчь эта должна аккомпанироваться громомъ нѣмецкихъ пушекъ. Если Германія не приметъ такого рѣшенія, то она будетъ рисковать, что инициатива будетъ взята Англійей: ея внезапности надо противопоставить внезапность Германіи.

Одна изъ военныхъ статей посвящена подробному разбору тѣхъ дѣйствій, которыя Германія должна предпринять въ Сѣверномъ морѣ. Статья эта носитъ названіе: «Что нужно Германіи въ Нѣмецкомъ морѣ»? Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе тѣмъ, что сразу признаетъ пользу событій послѣдняго года, какъ урока для Германіи. Теперь для нѣмцевъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ больше сомнѣній относительно образа дѣйствій Великобританіи. Вторая половина сентября ясно показала, по мнѣнію автора, что англійскія операціи сводятся къ слѣдующему: 1) начало военныхъ дѣйствій, безъ объявленія войны, прямымъ нападеніемъ на германскій флотъ съ цѣлью использовать эффектъ неожиданности и нанести нѣмецкимъ морскимъ силамъ возможно большій ущербъ; 2) блокада; 3) перевозка десантной арміи въ 160.000 человекъ на континентъ, для поддержки французскихъ войскъ. Хотя возбужденное состояніе въ настоящее время и улеглось, страсти успокоились, инцидентъ исчерпанъ, но прежнее недружелюбіе—осталось. Война продолжаетъ висѣть своей угрозой надъ обѣими странами; Германія не стремится къ войнѣ; она доказала это сорока годами мирной политики, но теперь выбора для нея нѣтъ. Нѣмцы должны знать, что война неизбежна; въ этой войнѣ на ставкѣ будутъ находиться не какія либо второстепенныя выгоды, вродѣ захвата рынка, полученія новой экзотической территоріи или созданія болѣе удобнаго положенія для торговли. Нѣтъ, грядущая война будетъ рѣшать собою не болѣе и не менѣе, какъ вопросъ о самомъ существованіи имперіи и поэтому никакія жертвы не могутъ быть признаны чрезмѣрными для созданія нужныхъ силъ. «Что же должна дѣлать Германія?» задается вопросомъ авторъ. Разрѣшеніе его надо искать въ намѣреніяхъ Англійи. Намѣренія эти, къ счастью для Германіи, были раскрыты осенью 1911 года, когда англійская стратегія развернула свои планы. Германія теперь знаетъ, чего опасаться: она должна ожидать внезапнаго нападенія на ея флотъ, блокады и перевозки десанта на континентъ. Внезапное нападеніе можетъ быть парировано только широкой организаціей сторожевой и охранной службы, измѣненіемъ дислокаціи

(главнымъ образомъ, переводомъ крейсеровъ изъ восточной, т. е. балтійской станціи въ Сѣверное море) и, наконецъ, усиленіемъ флота новыми боевыми единицами. Авторъ предупреждаетъ, что не слѣдуетъ полагаться на сторожевую службу одной дипломатіи, которая, тѣмъ не менѣе, все-таки должна стараться своевременно предупредить флотъ о возможности близкаго разрыва; не слѣдуетъ также откладывать измѣненія дислокаціи до послѣдняго момента, ибо, если Германія начнетъ переводить свои суда съ балтійской станціи во время обостренія политическихъ отношеній, то такое движеніе само по себѣ сможетъ ускорить начало военныхъ дѣйствій.

Въ отношеніи блокады авторъ отрицательно относится къ возможности непосредственнаго блокированія нѣмецкаго побережья въ самомъ Сѣверномъ морѣ. Однако, онъ справедливо признаетъ возможность блокады моря въ каналѣ и на водномъ пространствѣ къ востоку отъ Шотландіи. Разумѣется, блокада эта будетъ чрезвычайно трудна, благодаря большому протяженію охраняемыхъ линій, но, все-таки она выполнима. Неизбѣжнымъ при ней нарушеніемъ международнаго права, Англія, очевидно, пренебрежетъ. Блокада Сѣвернаго моря скажется очень тяжелыми послѣдствіями для Германіи: она вызоветъ полный застой нѣмецкой промышленности, остановитъ ввозъ сырья, будетъ причиной безработицы и поднятія цѣнъ до такого уровня, которое сможетъ вызвать даже внутренніе беспорядки. Единственнымъ средствомъ противъ такой блокады можетъ быть только боевой флотъ, который при удачѣ сможетъ отгнать блокирующіе крейсера и вступить въ бой съ поддерживающими ихъ линейными силами противника. Въ теперешнемъ своемъ состояніи германскій флотъ слишкомъ слабъ для этой задачи; его необходимо усилить, хотя бы небольшимъ увеличеніемъ судостроенія, особенно въ отношеніи линейныхъ кораблей и броненосныхъ крейсеровъ. Если послѣ этого германскій флотъ даже и не будетъ побѣдителемъ, то добьется по крайней мѣрѣ возможности нанести врагу такой ущербъ, послѣ котораго блокада станетъ невыполнимой.

Тоже средство, т. е. увеличеніе германскаго флота, необходимо, по мнѣнію автора, и для противодѣйствія англійскимъ намѣреніямъ высадить свой десантъ. Присутствіе свободно-дѣйствующаго германскаго флота въ Сѣверномъ морѣ не позволитъ Англіи рискнуть перевозкою десанта. Прежде, чѣмъ приступить къ посадкѣ войскъ на транспорты, Англія будетъ необходимо устанавливать свое господство на морѣ. Нужная для этого борьба за обла-

даніе моремъ, оттянетъ время. Десантъ же можетъ быть полезенъ Франціи только въ первые дни кампаніи. Поэтому, если Германія усилитъ свой флотъ настолько, что англійское адмиралтейство выскажется противъ перевозки десанта въ первые же дни послѣ начала военныхъ дѣйствій, то Франція и вовсе окажется безъ помощи англійскихъ сухопутныхъ силъ.

Заключеніе редакціи сборника подтверждаетъ общее мнѣніе авторовъ всѣхъ статей: Германіи необходимо теперь же озаботиться увеличеніемъ флота. Если Германія этого не сдѣлаетъ, то она повторитъ примѣръ Голландіи, скупившейся на вооруженія и жестоко за это поплатившейся. Слабую Германію противникъ будетъ презирать и называть *second rate nation*, т. е. державою второстепеннаго значенія. Съ сильной же Германіей англичане будутъ считаться и, можетъ быть, остановятся передъ рискомъ войны; можетъ быть, они предпочтутъ даже ея дружбу...

Такова главная идея сборника, соотвѣтствующая, повидимому, общему настроенію народа, требующаго, чтобы правительство «широкимъ размахомъ» готовилось къ войнѣ. Этого же требуютъ у себя и англичане. Въмѣстѣ съ тѣмъ обѣ стороны упорно твердятъ о своемъ миролюбіи и обѣ отсутствіи агрессивныхъ намѣреній; обѣ стороны винятъ въ соперничествѣ другъ друга и приписываютъ воинственность — противнику.

Эти заявленія о миролюбіи не имѣютъ никакого политическаго значенія, потому что и Англія и Германія дошли въ своемъ хозяйственномъ развитіи до вполне опредѣленной необходимости наступательной политики; пути же ихъ наступленія скрещиваются. Война между ними неизбѣжна и близокъ уже часъ ея.

Б. Доливо-Добровольскій.

